

Луна над Куземином стояла большая-большая и чистая, будто слеза.

Звезды сияли старательно, как первоклашки...

Куда ни глянь — настоящая идиллия.

И только голосистая птица, нагло усевшись на верхушке какого-то куста, надрывно кричала: «Утик! Утик! Утик!»¹

Стефа тяжело вздохнула.

Лиза вздохнула ещё тяжелее.

— Хоть бы этот сорокопут замолк...

— И в самом деле, чего он все время дразнится!? Чем мы ему не угодили?..

— Злюка!

— Ябеда!

— Ну, попадётся ты мне в руки, — пригрозила кулачком Лиза.

— Поймаем, зажарим и съедим, — сердито покосилась на куст Стефа.

— Ага, поймаешь его... Лови ветра в поле...

Девчонки вздохнули еще тяжелее.

А сорокопут никак не унимался. Время от времени покачивая крылом, чтобы удержаться на тонкой верхушке, весь он аж изгибался в пении, подражая то соловью, то горлице, то перепёлке, то даже писку цыплёнка, — а чаще всего просто укоряя девочек: «Утик! Утик! Утик!»

¹ «УТИК» ПО-УКРАИНСКИ ОЗНАЧАЕТ «СБЕЖАЛ». — РЕД.

Наверное, он даже глаза закрыл от старания — так ему пелось! Но этого, конечно, в такое время уже не разглядишь. Как бы луна со звездами не сияли, а солнышка не заменят — полночь близится...

Тем временем Лиза и Стефа притихли в кустах за калиткой и смотрят-смотрят, когда в доме погаснет свет. Иными словами, когда бабушка Катя и бабушка Леся, устав ждать своих бродяг, лягут наконец спать. В самом деле, лягут же они когда-нибудь спать — не сидеть же им вот так целую ночь, — а тогда можно будет тихонечко прошмыгнуть в свои кровати, укрыться с головой одеялами, притаиться, утихнуть, как мыши в норках, — и ничего никому не объяснять.

Да и что ты тут объяснишь?

Совершенно ничего...

Нет — наказания, конечно, не избежать, — но пусть это будет уже утром. Потому что утром люди добрее. А вечером за такие фокусы можно и хворостиной по попе получить! Да ещё как — под горячую-то руку...

Утром же бабушка Катя поворчит, бабушка Леся поругает, вот и всё. Тут же и к столу позовут, завтракать...

Ой, как в животиках урчит — слона бы съели! Оно и неудивительно — не обедали, не ужинали...

Но свет всё никак не гаснет, бабушки всё никак не ложатся, а уж и прохладно, и комары кусачие, как сто чертей, а самое неприятное — в животиках урчит...

Да ещё этот сорокопут: «Утик! Утик! Утик!»

Нет, надо на что-то решаться!

Первой не выдерживает Лиза:

— Свириду Петровичу сейчас хорошо, — со вздохом зависти говорит она. — Спит себе, небось, без задних лап и в ус не дует. А мы...

Помолчали.

Что тут скажешь?..

— Может, пойдём? — робко предлагает наконец Стефа. — Поздно уже, им спать хочется. Может, их сон уже сморил и они не очень будут ругаться?

— Пойдем, пожалуй, — вздыхает Лиза. — Всё равно рано или поздно идти придётся...

И девочки, взявшись за руки, медленно — ах, как медленно! — плетутся на лучик света в окне...

Вот такая она, жизнь!

А как хорошо всё начиналось...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С ХВОРОСТИНОЙ И ПАЛКОЙ

2.

...А начиналось всё и впрямь хорошо. Когда папа с мамой ещё не уезжали в Киев, — работа, чёрт бы её побрал! — Стефа с Лизой и в походы с ними ходили, и на археологические раскопки в Бельск, и на речку, ясное дело. И сало на прутиках жарили, и сосиски, а однажды — даже настоящие шашлыки. Вот это была жизнь!

А теперь...

Нет-нет, с бабушками, конечно, хорошо. Очень хорошо. Они так любят, так балуют — и приласкают, и вкуснятины наготовят, и конфетка у них в кармане всегда для внучек

припасена, — но всё же, всё же... Сами подумайте, что это за жизнь! Почитай, Лизонька, книжечку; поиграй, Лизонька, со Стефочкой; собери, Стефочка, свои игрушки; не ходите, дети, на пруд, можно в воду упасть; не бегайте, дети, по кустам — клещ прицепится; не лезьте, дети, на чердак — там пауки и пыль; лучше съешьте, Лизонька и Стефочка, по пирожочку... А вот что-то такое сделать, чтобы потом вспоминать всю жизнь... и одноклассникам похвастаться после каникул — вот тут уж дудки, с бабушками такие фокусы не пройдут! Старенькие они уже, не до забав им. Особенно бабушке Кате — она ведь даже маме бабушка, а для бабушки Леси — мама...

— Нет, так дальше жить нельзя, — решила наконец Лиза, когда они с сестрой вырвались однажды из-под опеки бабушек и спрятались в высоких кустах малины в конце огорода. Стефа ела себе, как ни в чем не бывало, сладкие ягоды — у неё уже появились малиновые «усы» и малиновая «борода». А вот Лизе было не до ягод — она сидела, сжав щёки ладонями, и смотрела на улитку, упорно ползущую куда-то по своей улиточной дорожке, ни с кем не советуясь и никому не докладывая, где именно она сейчас находится и куда именно хочет ползти.

— Нет, так дальше жить нельзя! — горестно сказала Лиза младшей сестрѐнке. — Вот даже самая никчѐмная улитка... и та живѐт на свободе и ползѐт себе, куда ей вздумается. И никто ей не говорит: хватит тебе, улиточка, безобразничать, не ползи в малину, лучше съешь, улиточка, пирожочек! А мы... Мало того, что целый год ходишь в эту

дурацкую школу, чтоб она сгорела, и всех учителей слушаешься, чтоб им пусто было... Мало того, что дома, пока заданий не сделаешь, никакого тебе телевизора, и пока книжку по программе не прочтёшь, никакой тебе интересной книжки... Ну, дома это ещё как-то можно понять — там Киев, кутерьма, куча работы. А здесь же мы вроде бы на свободе! Нас к бабушкам мама с папой для того и привезли, чтоб, как папа говорил, дети духом свободы надышались! И где же он, этот дух свободы? Где казацкое раздолье, где права ребёнка? Всё улитке под хвост!.. Съешь, Лизонька, пирожочек... Да меня уже тошнит от этих пирожочков! Я хочу чего-то такого... такого... А тебе лишь бы малина! Глянь, всё платье соком забрызгала. Малявка...

— Я же малявка, — возмутилась Стефа с полным ртом малины. — Просто малина вкусная, — сказала она, уже глотнув. — И пирожочки тоже вкусные...

— Ну, вкусные... И что? Свобода вкуснее!

— Угу, — Стефа всё так же уплетала ягоды. Улитка тем временем заползла под листочек.

— Эх, тебе лишь бы объедаться! Будешь много есть, скоро и ходить не сможешь. Будешь ползать, как... улитка, а на спине вместо домика — мешок с пирожками.

Стефа вспыхнула и уже открыла было рот, чтоб и себе сказать что-нибудь обидное, но сестрёнка поспешила её успокоить:

— Ладно-ладно, не обижайся! Я просто думаю, как бы сделать так, чтоб нам лучше было. А от тебя поддержки никакой...

— Да разве нам плохо?

— А что же хорошего? Когда мы в последний раз на речке были?

— Позавчера, кажется...

— А когда в следующий раз пойдём?

— Да, может, завтра...

— А почему завтра? Я сегодня хочу! И вчера хотела!

— И я хочу... Но бабушка говорила, что она уже старенькая и не может каждый день с нами ходить. К речке далеко-то.

— Ну, далеко. Мы бы и сами сходили.

— Нет, одних бабушка не отпустит.

— То-то и оно, что не отпустит!

Улитка выползла из-под листочка и поползла себе дальше.

— Вот, улитка такая маленькая, а если захочет, то хоть и медленно, но все-таки к речке доползёт, — продолжала гнуть своё Лиза. — Или в поход... Может, она и сейчас

в походе? Может, у неё не просто домик на спине, а рюкзак? А в том рюкзаке есть всё-всё, что улитке для жизни надо?

— Где? — спросила Стефа, оторвавшись наконец от малины.

— Да вот же! Видишь, какая маленькая? И медлительная, и толстая, а уже путешественница...

Стефа внимательно посмотрела на улитку, поштала пальчиком молочный зуб, который должен был вот-вот наконец-то выпасть.

— Я тоже хочу в поход, — сказала она.

— Пойдём!

— Но как? Папа с мамой в Киеве...

— А мы сами.

— Бабушки ведь не отпустят.

— А мы убежим!

— Как убежим?

— А так: убежим из дому — и всё!

— Насовсем?

— Почему насовсем? На день! Ну, может, на два... А бабушкам записку напишем, чтоб не волновались.

— И будем путешественницами?

— Ага, настоящими путешественницами! Как улитка! И рюкзак приготовим... Ты только никому ничего не говори! Иначе не отпустят!

3.

Приготовления продолжались целых три дня. Всё это время девочки вели себя вежливо, как никогда.

